

Солнце постепенно поднималось, разгоняя холод в экзаменационном дворе, и волнующиеся студенты наконец-то получили возможность согреться. Они непрестанно растирали руки, чтобы их почерк на бумаге не выглядел слишком корявым, ведь каллиграфия была одним из критериев оценки экзаменационной работы. Хотя экзамен длился уже довольно долго, большинство из них только продумывали текст в голове и не спешили браться за кисть. Похоже, что большинство студентов в этом дворе были страдальцами с тяжёлым жизненным опытом.

Фань Сянь ходил по экзаменационному двору с улыбкой на лице, стараясь шагать бесшумно, чтобы не беспокоить студентов. Хотя студенты, приступая к экзамену, чаще всего боятся экзаменатора, проходящего мимо или заглядывающего в их работу, но сегодня, как ни удивительно, когда студенты обнаруживали, что рядом с ними стоит и смотрит на них тот самый молодой господин Фань, встречавший их на входе, у них лишь прибавлялось уверенности в себе.

Поскольку лицо Фань Сяня не внушало благоговение так, как лица двух экзаменаторов и контролёра, а наоборот, светилось лёгкой солнечной улыбкой, любой студент, который осмеливался поднять голову и взглянуть на него, всегда чувствовал поощрение в его выражении лица.

Обойдя весь экзаменационный двор, Фань Сянь вернулся к боковым воротам. Му Те уже заварил чай и ждал его. Увидев, что тот садится на стул, он с улыбкой тихо сказал:

— Такая скука. Вы, господин Фань, выбрали самое удачное место для отдыха: если понадобится связаться с внешним миром, тут, у боковых ворот, это не составит труда.

Фань Сянь улыбнулся, думая, что если бы он действительно вернулся в главный зал и уселся рядом с министром Го, то тот, возможно, не обрадовался бы, да и ему самому было бы неловко. Пока он пил чай, то вспомнил очень подозрительную вещь: в списке, присланном наследным принцем, было всего шесть имён, и среди них не было Хэ Цзунвэя. Приехав в столицу, он узнал, что Хэ Цзунвэй был учеником императорского наставника и тайным приверженцем Восточного дворца, логично, что сейчас он должен был участвовать в весеннем экзамене.

Он отложил пока это дело и посмотрел сквозь несколько дверей в середину экзаменационного двора, чувствуя абсурдность ситуации: сам он лишь благодаря тому, что в пьяном угаре читал стихи Ли Бо и смог выпустить сборник стихов, теперь сидит здесь, принимая экзамен. Жизнь — такая несправедливая штука!

Если бы студенты, всё ещё бегло пишущие, знали, что результаты грандиозного экзамена уже распределены придворными сановниками, словно арбуз по долькам, что бы они подумали?

Время, казалось, тянулось очень медленно. Фань Сянь собирался было задремать на своём стуле у боковых ворот, но тут заметил, что солнце уже переместилось в зенит. Специальный ямэнь уже послал за обедами, и, конечно, у боковых ворот их встречали и тщательно проверяли. Не найдя ничего подозрительного, шесть подносов с едой отнести в центральный

зал.

Фань Сянь пошёл туда же, чтобы пообедать с другими чиновниками, слушая их разговоры о случившемся утром. В юго-восточном углу контролёр поймал студента-обманщика. Он покачал головой и вздохнул:

— Я видел студентов, который списывают, но такого наглого никогда не видел. Он у всех на глазах положил сборник планов сочинений под стол и переписывал с него. Думал, что если вокруг него ширмы, то никто не заметит, но не знал, что у патрулирующих чиновников зоркий глаз.

Тогда министр ритуалов Го Ючжи, распорядитель весеннего экзамена, внезапно нахмурился и сказал:

— Как он пронёс эту книгу?

Фань Сянь знал, что это была его ошибка. Он улыбнулся и ответил:

— Поначалу проверка шла слишком медленно, чиновники из Контрольной палаты торопили меня, поэтому я поспешил. Я боялся, что пропущу установленное императором время, поэтому допустил промах, прошу меня простить, — этими словами он признал свою вину, но очень ловко переложил половину ответственности на Контрольную палату.

Го Ючжи взглянул на него, хмыкнул, но не сделал выговора. В конце концов, такие мелочи и при прошлых династиях не могли предотвратить, и за это нельзя было порицать Фань Сяня. Он лишь сказал спокойно:

— Вы, господин Фань, здесь первый раз, и вам не хватает опыта, вам пригодилась бы помощь этих господ.

Фань Сянь улыбнулся и поклонился нескольким чиновникам вокруг, особенно своему непосредственному начальнику, главе училища Тайсюэ:

— Господин глава, я не блещу талантами и знаниями, пожалуйста, будьте снисходительны.

Глава Тайсюэ и был тем самым императорским наставником Шу, на которого в тот день во дворце со значением посматривал император. Он был раньше учеником Чжуан Моханя, однако с гордостью считал себя подданным государства Цин, поэтому не затаил злобу на Фань Сяня, заставившего Чжуан Моханя закашляться кровью на виду у всех. Он со смехом указал на Фань Сяня:

— Господин фэнчжэн, если вы не блещете талантами и знаниями, то кто в государстве Цин посмеет называться талантливый?

Другие наставники и контролёр вторили ему с улыбкой, посмеиваясь над Фань Сянем:

— Если бы не удивительные знания первого таланта в государстве Цин, господину Фаню пришлось бы сейчас лихорадочно писать, утоляя голод двумя сухими лепёшками, а не обедать вместе с нами.

После этих слов даже Го Ючжи не мог сдержать смех. Что же за талант у Фань Сяня? Сам он не верил в свои способности, но, кажется, что в столице, что во всей Поднебесной люди были уверены в нём гораздо сильнее, чем он сам в себе.

Студенты в экзаменационном дворе по-прежнему в страхе и спешке писали экзаменационные работы, а небо постепенно темнело. Фань Сянь несколько раз прошёлся по двору и прочитал все экзаменационные работы. Он отметил, что некоторые из студентов обладали настоящей учёностью, и не мог не остановиться и не прочитать. Хотя он и читал каноны этого мира, когда жил в Даньчжоу, но ведь он никогда не задумывался о том, чтобы сдать императорский экзамен и начать чиновничью карьеру. Так что если бы он попытался написать подобное сочинение, оно, скорее всего, оказалось бы хуже, чем у большинства людей. Всё же он жил уже вторую жизнь, и сказать, что он хорошо начитан, было бы преувеличением, но верный взгляд у него имелся.

Он тайком записал имена тех людей, затем подошёл к боковым воротам, сделал вид, что зевает, наклонил голову и обнаружил, что Му Те уже полулежит на стуле и вот-вот заснёт. Он невольно рассмеялся, думая, что этот Му Те удивительный человек, и, естественно, способный, иначе Чэнь Пинпин не дал бы ему в руки толику власти. Однако в отношениях с людьми ему умений не хватало, возможно, он только начал учиться таким вещам, как лезть: при каждой встрече с Фань Сянем он был крайне почтителен, чем невольно ставил того в неудобное положение.

— Господин, боковые ворота нельзя открывать, — чиновник Контрольной палаты, увидев, что Фань Сянь направляется в укромное место рядом с ними, смутился и шагнул вперёд, чтобы остановить его, со словами: — Боковые ворота не должны открываться, кроме как для доставки еды и воды.

— Я знаю это правило, — улыбнулся Фань Сянь и добавил: — Я просто хочу прогуляться и посмотреть, есть ли что-нибудь интересное.

Эти слова показались немного странными и не соответствующими обстановке: торжественная государственная церемония, императорский экзамен, но Фань Сянь, экзаменатор, хотел найти что-то интересное в экзаменационном дворе. Но что ещё более странно, так это то, что, услышав его, чиновник Контрольной палаты ответил с лёгкой улыбкой:

— В Контрольной палате тоже много интересного, заходите почаще.

Фань Сянь успокоился и, глядя на простое лицо чиновника, вдруг сказал:

— Вот ты-то мне и нужен.

— Неплохо, господин кандидат на пост будущего главы, — склонил голову чиновник.

Фань Сянь посмотрел ему в глаза и понял, что чиновник Контрольной палаты не занимал высокой должности, но явно был доверенным лицом Чэнь Пинпина на этой службе. Он невольно улыбнулся и сказал:

— Господин Чэнь называл тебе конкретное время?

— После экзамена, в течение трёх дней, — мягко ответил тот.

— Хорошо, мне ещё нужна кое-какая помощь. Мне нужно проверить прошлое нескольких человек, — Фань Сянь назвал чиновнику имена людей, которые он ранее записал, и тихо сказал: — Не проверяйте происхождение, просто узнайте, что они за люди.

— Слушаюсь, — тихо сказал чиновник. — Господин глава отдела, покажите ваш жетон.

Фань Сянь снял с пояса жетон Контрольной палаты, который столько раз помогал ему, помахал им перед глазами чиновника, а затем заботливо спросил:

— Ты хорошо запомнил?

Чиновник тихо ответил:

— Я хорошо запомнил, но об этом деле будет доложено главе.

— Понятно, — сказал Фань Сянь с тёплой улыбкой. — Информация требуется до того, как работы будут запечатаны.

— Слушаюсь.

— Мне нужно знать твоё имя?

— Не нужно, — мягко сказал тот. — Я всего лишь чиновник низшего звена Контрольной палаты, и я не осмеливаюсь утруждать господина запоминанием моего имени.

Наследный принц уже больше десяти лет хотел устроить своих людей при императорском дворе, и старший принц, наверное, тоже. Что же касается тестя и Тайного совета, то это просто пример продажности чиновников. Подумав об этом, Фань Сянь не мог сдержать горькой усмешки: его тесть действительно не хотел избавлять его от неприятностей.

Но он также понимал, что в чиновничьей среде это обычное дело, а то, что он собирается сделать, немного аномально.

Фань Сянь вздохнул, подумав, что через несколько лет, когда он станет старше, должен ли он будет засылать своих людей в официальные круги, как на игровое поле? Но в данный момент он не может этим заниматься, в первую очередь ему нужно сотрудничать с Контрольной палатой и идеально разобраться с весенним экзаменом, не создавая себе слишком много проблем.

Успешно использовав слова и бумагу, чтобы заставить старшую принцессу покинуть дворец, дальше он справлялся с делами гладко. Если бы не тот факт, что сейчас Восточный дворец использовал слишком жёсткие методы, чтобы перетянуть его к себе, он, возможно, и смирился бы. К тому же он считал свой план несколько не рискованным: несмотря на то, какая сила показывается на свету, за ним во тьме стоит главный экзаменатор, стоит пугающая Контрольная палата — силы, о которых многие и не представляют. Он считал, что если не затрагивать самые основные интересы императорской семьи Цин, он много чего может совершить в этой, казалось бы, могущественной официальной среде, где чиновники взаимно сдерживают друг друга.

Так как после перерождения он собирался жить на всю катушку, он не мог слишком много уступать, иначе разве не будет это напрасной тратой оставленных матерью замечательных помощников? Почему он не может делать то, что делают принцы и сановники? И не просто делать, а делать красиво.

«В душе я действительно негодяй, — Фань Сянь с улыбкой на лице посмотрел на тяжело трудящихся студентов в экзаменационном дворе, думая про себя: — Монах может трогать, почему я не могу*? Я не только могу потрогать, я ещё и не дам прикасаться монаху».

* Цитата из «Подлинной истории А-Кью» Лу Синя. А-Кью, приставая к монашке, потрогал её голову, считая, что монахи её тоже трогают (т.е. что между монашкой и каким-то неизвестным монахом есть любовная связь).

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2393839>